MARK SEVERIN

ПОСЛЕДНИЙ ДУБЛЬ

Турин, 1978

Марк Северин

Последний дубль

«Автор»
2026

Северин М.

Последний дубль / М. Северин — «Автор», 2026

Турин, ноябрь 1978 года. В радиостудии «Teatro Voce» находят мёртвым её руководителя Алессандро Риву. Но незадолго до обнаружения тела его голос прозвучал в эфире.Звукорежиссёр Бьянка Ферретти узнаёт в объявлении оговорку, сделанную на репетиции несколькими днями ранее. Случайное совпадение или тщательно подготовленный обман? Пока следствие разбирается в противоречивых показаниях, служебных журналах и финансовых документах, Бьянка сталкивается с собственной давней ошибкой.Чтобы приблизиться к истине, ей придётся понять: голос может быть настоящим, даже когда история, которую он рассказывает, — ложь. И иногда самое трудное признание касается не преступника, а самого себя.

© Северин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оговорка перед эфиром 6
I. Карандашная отметка 6
II. Два способа услышать 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Марк Северин
Последний дубль

Последний дубль
Исторический детектив · Турин, ноябрь 1978 года

Глава 1. Оговорка перед эфиром

I. Карандашная отметка

В четверг, шестнадцатого ноября, часы над дверью монтажной показывали девятнадцать пятнадцать, когда Бьянка Ферретти заметила, что снова подчёркивает одну и ту же строчку. На бумаге уже лежали две короткие черты. Третью она не поставила: карандаш задержался над клеткой, пока за стеной монтажной коротко щёлкнуло реле. Отложила карандаш, повернула лист к свету и прочитала: «Репетиция, понедельник. Исправление дня премьеры». Ниже стоял номер катушки, написанный её рукой так тесно, что последняя цифра почти касалась края клетки.

В комнате было жарко от аппаратуры. Лампа с зелёным абажуром освещала монтажный стол, нож для резки ленты, коробку с обрезками и клейкую полоску, которую Бьянка берегла для чистовой работы. За стеклом соседней аппаратной светились шкалы приборов. Иногда оттуда доносился щелчок переключателя, и она различала его даже сквозь негромкое гудение двигателя. На улице, за двумя рядами окон и тяжёлой дверью, начинался обычный туринский вечер: машины медленно пробирались по узким улицам, прохожие поднимали воротники пальто. Бьянка знала это не по виду — из монтажной улицы не было видно, — а по времени, по принесённому кем-то холоду и по тому, как в коридоре всё чаще хлопала наружная дверь.

Ей следовало закончить сверку репетиционных пометок ещё до семи. Работа не была сложной, только требовала той внимательности, которой нельзя приказывать. Один неверно поставленный знак, и через неделю другой монтажёр будет искать не ту фразу, разбирать чужую нумерацию, тратить час на исправление того, что сегодня заняло бы минуту. Бьянка любила этот порядок. В нём была простая справедливость: звук можно прослушать ещё раз, а собственную память — нет.

На полке стояли картонные коробки с магнитными катушками. Одни этикетки были аккуратными, другие — поспешными; у одной отклеился угол. Бьянка провела пальцем по корешку нужной коробки, но не сняла её. В понедельник она сама делала отметку. Не было причины снова запускать всю репетицию ради фразы, которая и так застряла в голове.

Тогда Рива сказал: «Премьера состоится не завтра, а в субботу».

Слова были произнесены тем же уверенным голосом, каким Алессандро Рива объявлял перерывы, переносил репетиции и требовал от людей невозможного так, словно невозможное уже включено в их обязанности. Только посередине фразы голос на мгновение споткнулся. Он сказал «не завтра», поправляя самого себя, и это короткое исправление рассмешило кого-то в студии. Бьянка не смеялась. Она проверяла, не попал ли смешок на участок, который предполагалось сохранить.

Теперь её раздражало, что память оставила ей не лица, а именно интонацию. Рива стоял тогда по другую сторону стекла; она видела движение его руки и раскрытый рот, но не могла бы уверенно сказать, кто находился ближе к микрофону. Зато слышала паузу перед «а в субботу», как слышат крошечную царапину на знакомой пластинке. Слух запоминает не то, что человеку кажется важным.

Она вписала в графу «примечание»: «Оговорка, сохранить отметку до решения редакции». Затем перечитала и зачеркнула «сохранить». Слишком повелительное слово. Редакция могла решить вырезать фрагмент, а её задача состояла в том, чтобы указать, где он находится, а не распоряжаться им. Бьянка написала: «Оговорка — место отмечено». От этого не стало ни легче, ни приятнее. Весь день она исправляла чужую самоуверенность на бумаге и свою — в голове.

Три дня назад Рива остановил её в коридоре после репетиции. Он даже не спросил, занята ли она. «Вы опять оставили помету там, где редактору нужна чистая запись», — сказал он. Бьянка ответила, что чистой запись становится после проверки, а не после приказа считать её чистой. Рива посмотрел на неё с тем выражением, которое она ненавидела больше открытого гнева: как на ученицу, хорошо выучившую правило, но не понимающую, когда его надо забыть. «Точность — это не право задерживать всех», — произнёс он. Ей хотелось возразить, что спешка тоже не даёт права ошибаться. Вместо этого она молча подняла лист и показала номер катушки.

Воспоминание не требовало продолжения. Бьянка выровняла стопку бумаг по краю стола. За дверью кто-то говорил громче обычного, потом голоса стихли. Она различила мужскую раздражённую интонацию, но не слова и не говорившего. Коридор в это время принадлежал десятку людей, и даже знакомый голос за двумя закрытыми дверями мог оказаться чужим. Она не стала вставать.

На часах было девятнадцать двадцать три. До следующей проверки оставалось достаточно времени, чтобы переписать пометку начисто. Бьянка взяла новый лист, перенесла дату, поставила рядом сокращённое название репетиции и ещё раз сверила цифры. Теперь между её записью и коробкой на полке существовала бумажная связь. Она подумала, что вся их работа держится на таких скромных связях: кто записал, где положил, когда исправил. Никто не благодарит за них, пока одна не оборвётся.

Она поднялась, чтобы поставить папку в шкаф, и увидела на внутренней стороне дверцы старую служебную записку с подписью, которую когда-то сама поставила. Речь шла о завершении работы в срок. Работа тогда была завершена не полностью, но коллега просил её подтвердить сдачу, чтобы не лишиться оплаты. Она согласилась, уверив себя, что не обманывает никого по-настоящему: оставшиеся исправления были мелкими. После этого мелкие исправления пришлось делать ночью, и об этом уже никто не говорил.

Бьянка закрыла дверцу. Подпись осталась за деревом, как и раньше. Но всякий раз, когда Рива требовал безоговорочной точности от других, ей вспоминалась именно она, а не его собственные ошибки. Она злилась на него, потому что он давил; на себя — потому что знала, как легко уступить.

На столе ждала катушка, на листе — исправленная пометка. Вечер ещё ничем не отличался от десятков других. Бьянка вернулась к работе, решив, что больше не позволит чужому тону испортить ей слух.

II. Два способа услышать

В девятнадцать двадцать восемь в монтажную постучали один раз и сразу открыли дверь. На пороге стоял Паоло Серра с тонкой пачкой бланков под мышкой. Его волосы были примяты на затылке, словно он долго сидел, не отрывая головы от спинки кресла. Бьянка знала: когда Паоло выглядел так, спорить с ним о сроках бессмысленно. Он начинал перечислять соединения и номера каналов, пока собеседник не сдавался от усталости.

— Ты ещё здесь? — спросил он.

— Я тоже рада тебя видеть.

Паоло положил бланки на свободный край стола, но, заметив её взгляд, тотчас убрал руку.

— Мне нужны только сведения о репетиции. Карло спросил, где искать понедельничный материал.

— Какой именно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.